

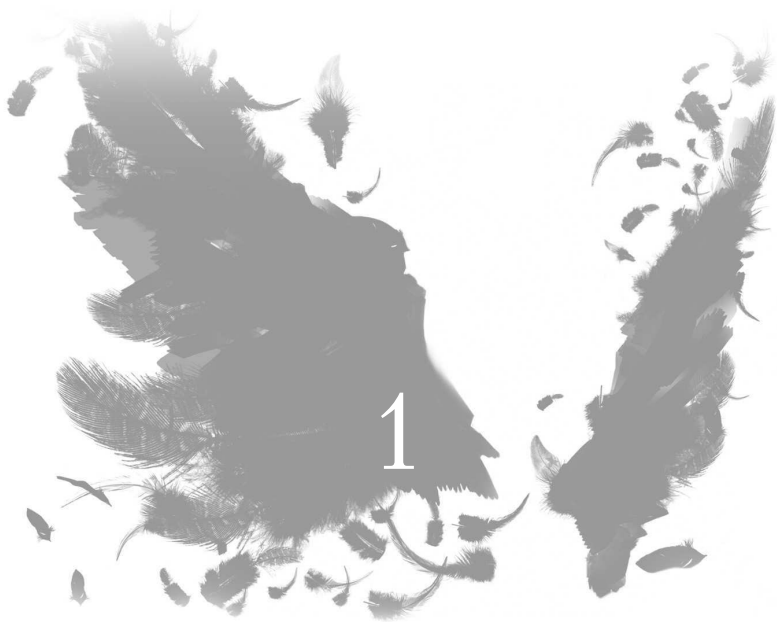
ДЛЯ МОЕЙ ДОЧЕРИ ЭШТИН.
ЖЕЛАЮ ТЕБЕ НАЙТИ ҚРЫЛЬЯ, ЧТОБЫ ВЗЛЕТЕТЬ.

И когда замыслившие свергнуть Создателя были побеждены, низвергли их с Небес и обрекли на презренную участь.

«КНИГА СЕРАФИМА», ГЛАВА 3, СТИХ 2

В то время были на земле Нефилимы — особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди.

«КНИГА БЫТИЯ», ГЛАВА 6, СТИХ 4

Мишину раннего утра разрывает звук автомобильной аварии. Резко открываю глаза — и вот я, еще не успев проснуться, уже на ногах, с сумкой за спиной. Я бегу к дальнему концу переулка, громко топя по асфальту. Замечаю краем глаза мерцающие вспышки света.

Вижу или воображаю?

Бросив взгляд через плечо, вижу, как клешня мусоровоза опускает на землю бак. Его крышка ударяется о металлический бок, и звук отражается от стен домов, смотрящих окнами в переулок. Каждая волна шума заставляет свет пульсировать — и угасать вместе с ней.

Сердце стучит как бешеное от выброса адреналина, хотя разумом я и понимаю, что мне на самом деле ничего не угрожает.

Остановившись, приваливаюсь к стене дома и прижимаю руку к груди, чтобы унять сердце. *«Все хорошо. Все хорошо»*, — повторяю я, стараясь дышать глубже.

ДЖУЛИЯ ХОЛЛ

Мороз обжигает раскрасневшиеся щеки и холодит лоб, влажный от пота. Я закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на ощущениях, которые не дают мне выпасть из реальности.

Вонь гнилой еды и мусора.

Шершавый кирпич под пальцами.

Смутный, становящийся все более заметным горький привкус во рту после недолгого ночного сна.

Я здесь, я проснулась — по крайней мере, я на это надеюсь. Намеренно медленно открываю глаза, молясь про себя о том, чтобы увидеть реальный, а не спектральный мир.

Я громко и с облегчением выдыхаю, когда взгляд падает на стену напротив, изрисованную граффити. Асфальт покрыт мусором и разнообразным хламом: вот туфля, вот лопнувшая велосипедная шина и тельце мертвой крысы.

Кажется, ни разу до этого я не чувствовала радости при виде крыс. В спектральном мире их нет, так что этот покрытый мехом трупик — однозначное подтверждение тому, что я все еще в реальности.

Раз. Два. Три. Четыре.

Один из моих способов успокоиться — посчитать количество ударов сердца, это помогает замедлить выброс адреналина в кровь.

Я живу в страхе перед этими выбросами.

Главным образом из-за этого я и вижу другой мир — несуществующий, как мне говорили. Я всеми способами избегаю таких выбросов, в том числе самоизолируюсь. Хотя это нетрудно, учитывая, что людям рядом со мной не слишком комфортно. За годы жизни я отточила умение концентриро-

УКРАДЕННЫЙ СВЕТ

ваться на мире вокруг, но мне все же требуется несколько часов для сна, и тогда дела идут паршиво.

Как жаль, что на ночь обязательно нужно закрывать оба глаза.

За последний год реальность ускользала от меня чаще, чем за последние десять лет, вместе взятые. Один из многочисленных недостатков жизни бездомной — постоянное чувство напряжения. И все же у жизни на улицах Денвера есть один жирный плюс, перевешивающий минусы: она спасла меня от заключения в психиатрическую больницу.

Ради своей свободы я готова стерпеть что угодно.

Мои размышления прерывают звуки пробуждающегося города. Разбудивший меня писк мусоровоза прекращается: водитель выключает задний ход, и грузовик, громыхая, едет дальше. Мимо с грохотом проносятся машины, выхлопные газы поднимаются в воздух клубами дыма. Скрипят и лязгают ржавые рольставни магазинов — владельцы поднимают их, готовясь к новому трудовому дню. С другого конца квартала доносятся приглушенные крики, а из квартиры надо мной слышится резкий собачий лай.

Уже скучаю по темноте.

Оттолкнувшись от холодной стены, я ощупываю шапку, чтобы убедиться, что волосы полностью убраны под ней.

Они растут слишком быстро, а за последний год я их даже ни разу не подстригала. Испачканные и спутанные пряди оттенка платины покрывают несколько слоев грязи. Я прячу их не из смущения, а из желания походить на парня. Не стоит привлекать к себе еще больше ненужного внимания — его и так предостаточно.

Люди считают меня слабачкой.

ДЖУЛИЯ ХОЛЛ

Это не так, но если я не хочу случайно выпасть из реальности, то важно прожить день без стычек.

Еще один выход — обрезать их. Я думала об этом не один раз, но мне и так от многого пришлось отказаться. Я не выдержу, если потеряю что-то еще. Лучше уж прятать.

Убедившись, что волосы прикрыты, я натягиваю бини¹ на уши и бреду за угол дома. Прижимаясь всем телом к кирпичной стене, смотрю на пробуждающийся за пределами темного переуллка мир.

Солнце только начинает подниматься. Небо цепляется за серовато-синее ночное полотно, но уже скоро зарождающийся свет прогонит темноту прочь.

При виде разгорающегося дня у меня сами собой опускаются уголки губ.

Ночь нравится мне больше. Темнота дарит чувство уюта, которое никогда не сможет дать яркий дневной свет.

Живот скручивается от голода, и в то же мгновение мой желудок жалобно урчит, напоминая, что ела я в последний раз уже слишком давно. Ем и сплю я меньше, чем обычные люди, но три дня без пищи — это слишком даже для меня.

Я крадучись иду по переулку, обдумывая варианты.

Обычно я спасаюсь тем, что копаюсь в мусорных контейнерах, беру еду у благотворительных организаций и иногда выполняю подвернувшуюся работу. К миссионерам я пойти не могу — они задают слишком много вопросов, а сытый желудок не стоит того, чтобы меня записали как несовер-

¹ Бини — плотно облегающая вязаная шапка.

УКРАДЕННЫЙ СВЕТ

шеннолетнюю беглянку. Попрошайничать не выйдет: спрятаться в общественном месте тоже слишком рискованно.

Найти себе укрытие несложно... до прихода зимы. В холодные месяцы жить в Колорадо рискованно. В прошлом году я столько раз тайком пробиралась в дом к чужим людям — просто чтобы убраться с холода, — что сбилась со счета.

Когда мне исполнится восемнадцать, я смогу спокойно вздохнуть. Как только по закону я достигну совершеннолетия, меня больше никому не смогут отдать на попечение — или куда похуже. Последние мои приемные родители хотели отправить меня в психиатрическую больницу. И чтобы избежать этой участи, необходимо достичь нужного возраста. Остается потерпеть это унижительное существование еще всего лишь полгода.

Уехать из города в поисках более спокойной жизни — просто мечта. Было бы здорово поселиться где-нибудь в горах. Где-нибудь подальше от любопытных глаз, чтобы никто не видел моих странных приступов погружения в спектральный мир. Еще лучше будет, если получится обустроить жилище прямо в скалах, чтобы защищаться от оживших кошмаров.

А пока безопаснее прятаться в толпе — на виду у всех, но оставаясь почти невидимой.

— *Всего полгода*, — напоминаю я себе. Фраза вызывает приятное чувство уверенности, поэтому произношу ее снова, на этот раз вслух.

Разговор с самой собой стал для меня странным способом подбодрить себя. Люди не обращают на бездомных никакого внимания — на это я и рассчитывала, когда сбежа-

ДЖУЛИЯ ХОЛЛ

ла от последних приемных родителей. Стать невидимкой было необходимо для выживания, но чего я совершенно не учла — это того, насколько такая жизнь тебя обесчеловечивает. А болтовня с самой собой напоминает мне, что я все-таки человек, пусть и странный.

Желудок скручивается в узел, заявляя, что самая насущная моя проблема — это пища, которая поможет мне продержаться еще несколько дней.

Я мысленно пробегаюсь по скудному списку возможностей. На Шестой авеню есть бакалея, в которой раз в неделю выбрасывают просроченную еду — но это будет только через два дня. Сейчас раннее утро, я могла бы заглянуть в «Денверский хлеб» и спросить, не могу ли я помочь им с доставкой муки в обмен на несколько долларов или даже на еду. Свежий хлеб очень вкусный, и достать его сейчас не просто. Люди не выбрасывают в мусорку свежие буханки хлеба, чтобы ими могли поживиться бродяги вроде меня.

В центре города есть несколько ресторанов, можно было бы в них зайти. Неподалеку от меня «Ньюберри» и «Сас-сафрас», но он откроется только через несколько часов. А вот «У Аниты» открывается рано. Я была там... хмм... две недели назад? Может, и сработает.

Крепко затянув лямки рюкзака, я выхожу на тротуар и быстрой трусцой направляюсь в сторону дешевой закускойной в двенадцати кварталах от меня.

Эта дистанция не тянет даже на разминку. Я могу без усталости бегать часами. Просто очередная моя странная черта, которую я прячу от мира.

Я размеренно бегу, а мимо проплывает город. По дороге проезжают несколько машин, но улицы Денвера практиче-

УКРАДЕННЫЙ СВЕТ

ски пусты. Еще слишком рано для толпы. Через несколько часов пешеходные дорожки заполнятся прохожими, спешащими на работу и с нее. В полдень туристы заполняют улицы и тротуары города, а позже их вытеснят спешащие на поезда или к своим машинам жители, которым предстоит несколько часов торчать в пробке.

Этот цикл повторяется ежедневно — порочный круг, который никогда не меняется. И я научилась использовать его в своих интересах.

Я сворачиваю на Пятнадцатую улицу и иду к реке, пытаюсь вспомнить, какой сегодня день — я на семьдесят два процента уверена, что вторник. Это важно, потому что Карен работает по вторникам. Ей не жалко остатков ресторанной еды, поэтому я стараюсь ходить в «У Аниты» только в ее смену.

Я ускоряюсь и едва замечаю пролетающие мимо здания. Небоскребы в деловом районе — размытое серое пятно, их внешний вид никогда мне не нравился. Я сопротивляюсь желанию закрыть глаза и вместо этого сосредотачиваюсь на свежем утреннем воздухе, который бьет в лицо. Когда я была младше, то бегала так быстро, как могла, и притворялась, будто лечу. Время от времени у меня возникает непреодолимое желание сделать это снова.

Руки дергаются в порыве сорвать шерстяную шапку, скрывающую волосы, и позволить им вырваться наружу. Кожа головы под копной волос от толстой пряжи чешется. Мне нравится чувствовать, как щекочет пряди легкий ветерок. Появляющийся вместе с ранней осенью холод полностью еще не вступил в свои права, и надевать шапку поплотнее еще не время, но о том, чтобы снять ее совсем, не может быть и речи.